

КУЛЬТУРА

Арсений Замостьянов,
кандидат филологических наук

А.В. СУВОРОВ – ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОИН!

Религиозность Суворова — особая и очень важная глава в его биографии. Не обращаясь к духовной жизни полководца, нам никогда не понять этого человека.

В стихотворении о «безумном осмнадцатом столетии» Радищев восклицал: «Там многотысячелетны растаяли льды заблужденья», намекая на закат ортодоксальной религиозности перед лицом технического прогресса. Неконъюнктурный сын своего века, Суворов никогда бы не согласился с идеей Радищева.

Главной музыкой XVIII в. стали маршевые армейские трубы и мерный стук петровского топора. В Россию хлынула идеология европейского просвещения; работали в наших палестинах и оригинальные мыслители-прогрессисты, символизировавшие новое время. Но было бы

упрощением считать этот век лентаргическим сном православия. Во-первых, комфортного исторического контекста у православия, пожалуй, не было никогда. Во-вторых, иные публицисты совершенно напрасно игнорируют православную сущность русского просвещённого абсолютизма XVIII в. Да, была создана немыслимая для Московии XVII в. светская культура, но выводить её из одних иноземных влияний нельзя. Великий Пётр, учившийся у Европы, сам стал и учителем Европы, оставаясь самобытной личностью. Политическая независимость страны и её централизация усилились.

Преемственность с древнерусской православной литературой и с русским фольклором была для М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, Д.И. Фонвизина, Г.Р. Державина не менее важным фактором, чем ориента-

Арсений Замостьянов **А.В. Суворов – православный воин!**

ция на Запад. Да и идея сильного государства, объединяющего земли и народы, была выношена нашей культурой со времён Киевской Руси и Несторовой летописи. И духовный подвиг митрополита Филофея (Лещинского) в истории укрепления Российской империи не менее важен и органичен, чем Полтавская виктория или образование первых академий и университетов. А духовная поэзия (отнюдь не еретическая!) для В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина была едва ли не вершиной творчества. Начало Саровской обители — это тоже история русского XVIII в. Впрочем, как и арест первоначальника Иоанна по ложному доносу некогда смещённого отцом Иоанном казначея Иосии весной 1734 г. . . В пустыни был учинён обыск, и, когда солдаты обнаружили запрещённое сочинение Маркела Родышевского «Возражения на объявление о монашестве» (критика духовного регламента петровского времени), дело приняло политический оборот. По приказу Тайной канцелярии в обители были произведены аресты «государственных изменников». Несправедливые аресты священников во времена бироновщины стали столь частым явлением, что историки обоснованно на-

зывают это явление «террором». Великий подвиг и безжалостная клевета во все времена сосуществуют — по-своему это испытание прошёл и Суворов.

Эпоху осмыслил Е. Поселянин: «Время и жизнь — мудрый, осторожный врач исторических заблуждений и ошибок — исправили всё, что непрочного, скороспелого было в реформах XVIII века». Действительно, времена гонений на опальных архиереев, годы доносов и ссылок сменились эпохой «тишины и спокойствия» митрополита Платона (Лёвшина). Митрополит Московский и Калужский Платон был личностью замечательной. В истории церкви в годы раздоров всегда являются примирители, чьё высокое предназначение — в искусстве успокоения, умеренного и уместного компромисса. Пылкие сердца чаще замечают других героев — самоотверженных борцов, максималистов. Но неслучайно русские летописцы с древнейших лет так ценили примирителей — таких, каким был митрополит Платон. . . После раскола, после натиска материалистов, после усиления государственного абсолютизма церковь нуждалась именно в таком первоиерархе. В дни русско-турецких войн, после суворовских побед, митрополит Платон совершал

КУЛЬТУРА

благодарственные молебствия в Успенском соборе, а Суворов получил благословение митрополита перед Итальянским походом 1799 года...

Слава — великое испытание для христианина; поэт и политик Державин, много думавший о Суворове, осознавал всё лукавство человеческого отношения к славе. Испытание славой и испытание властью неминуемо проходит и великий полководец. Суворовская тема и тема сохранения нравственной непопорочности в условиях испытания медными трубами переплетались в творчестве Державина уже в 1794 г.

Суворов для Державина был не только победителем в сражениях. Не менее важна победа над собой, над собственными грехами, по Державину, славнейшая из суворовских побед.

В цветниках народной памяти Суворов остался героем, олицетворяющим не только смелость и полководческий дар, но и высокий талант смирения. Суворов-богомolec вошёл в фольклор так же уверенно, как Суворов-солдат.

Михаил Иванович Пыляев — замечательный собиратель городских легенд, в своих сочинениях заставляющий нас почувствовать, между прочим, и

самый мёд обывательских представлений о замечательных людях, в книге «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы» уделит внимание и Александру Васильевичу Суворову. М.И. Пыляев рассказывал: «Румянцев любил часто беседовать о своём друге Суворове, который всегда являлся к нему в полном мундире и забывал при нём шутки свои. Суворов, по преданию, тоже избегал тех торжеств, которые были предложены победителям в Москве. Он также скромно проживал тогда близ церкви Вознесения, на правой руке, второй или третий дом, если идти от Кремля. Незадолго до 1812 г. дом Суворова был куплен каким-то мездиком и позднее, после пожара, принадлежал купцу Вейеру.

Вся родня князя Итальянского похоронена при церкви Феодора Студийского. Эта церковь в нескольких шагах от суворовского родового дома, она была прежде монастырём, устроенным в память Смоленской Богоматери. В этой церкви гениальный полководец приучал себя читать Апостола и при всяком выезде из Москвы никогда не оставлял своих родителей без особых поминовений. Он тут, и в церкви Вознесения, служивал то молебны, то панихиды. Мо-

Арсений Замостьянов **А.В. Суворов – православный воин!**

сковские старожилы, жившие в пятидесятых годах, ещё помнили, как Александр Васильевич сам, сделав три земных поклона перед каждой местной иконой, ставил свечку, как он служивал молебны, стоя на коленях, и как он благоговейно подходил под благословение священника».

Этот отрывок, по замыслу Пыляева, — самый исчерпывающий рассказ о москвиче Александре Суворове. Таким остался Суворов в московском краеведении, таким же запомнили его и обитатели других мест, где Суворову приходилось проживать. И в России, и в Чехии, и в Австрии, и в Италии есть храмы, о которых благоговейно говорят: «Здесь молился Суворов».

С Суворовым-богомольцем связано немало «местных» преданий Ундола и Кончанского, Астрахани и Кобриня. Везде Суворов оставлял память о себе как о богомольце, постнике, щедром в пожертвованиях прихожанине. И это при том, что в своей светской жизни Суворов имел заслуженную репутацию скуповатого человека, впрочем, эта черта объяснялась не столько унаследованной от отца страстью к накопительству (был грех), сколько аскетизмом, привычкой и любовью к суровой походной жизни. В то же время Суворов помо-

гал поэту Кострову, анонимно жертвовал крупные суммы денег на богоугодные заведения и, по свидетельству Фукса, ежегодно «от неизвестного» присылал в Санкт-Петербургскую тюрьму по десять тысяч рублей на искупление содержащихся за долги. И в России, и в заграничных походах Суворов был щедр на милостыню, однако, по легенде, здоровому нищему предпочитал подарить топор: «Руби дрова, не умрёшь с голоду».

На церковных службах Суворов непременно появлялся вместе со своим штабом: полководец приобщал к церковной жизни равнодушных, видя в этом свой долг. При встрече с духовным лицом прежде всего принимал от него благословение. Уверенный в помощи Божией, Суворов не знал страха; шёл на смерть, но не допускал и игроцкого риска. Бретёрство было не по душе Суворову, он не любил показной храбрости. Что же касается эксцентрических чудачеств Суворова, здесь, кроме прочего, прослеживается и духовная связь с культурой русского юродства.

Жизнь Суворова связана с северными губерниями империи, с тем суровым краем, где когда-то зародилась русская государственность. Суздальский пехот-

КУЛЬТУРА

ный полк, с которым Суворов в 1760 г. «съел пуд соли» и узнал «почём фунт лиха», дислоцировался в Новой Ладоге. Вместе с офицерами и солдатами Суворов лично построил деревянную церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. По многочисленным свидетельствам ладожцев, Суворов самолично, прилежно и мастеровито вырезал деревянный крест для храма. Выступив с полком из Новой Ладоги, Суворов не забыл написать протоиерею Антонию: «В оставшейся в Ладоге полку Суздальского полковой церкви Петра и Павла, прошу Вашего благословения, доколе полк назад не возвратится в Ладогу, чтобы производима была ежедневная служба, за что полк Вашему благословению или кто ту службу отправлять будет от усердия посылает в год по двадцати Рублев, которые изволите получать от оставшегося в Ладоге при двуротной команде, члена квартирмейстера Ефимова или кто тут будет при команде членом. Вашего благословения покорный слуга Александр Суворов».

В Новой Ладоге Суворов помогал местному Николо-Медведскому монастырю, устраивал судьбы военных инвалидов... Деревянная Петропавловская церковь, которую все называли «су-

воровской», в XIX в. обветшала. Её разобрали, а затем возобновили, перестроив в камне. Каменный храм был освящён в честь святого великомученика Георгия. Ныне Георгиевская «суворовская» церковь стоит в руинах, и план реставрации, составленный архитектором М. Колядой, не реализуется...

Знатокам Суворова всегда было ясно, что суворовский феномен не объяснить одним лишь языком рационализма, материализма. Это понимали и в годы, когда атеистическая пропаганда была всевластна (в особенности — в детской литературе). Тем не менее детский писатель Сергей Петрович Алексеев написал книгу «Рассказы о Суворове и русских солдатах», которая не раз переиздавалась и стала, без преувеличений, излюбленным чтением советских мальчишек. Очень тонко писатель вводит в суворовский контекст тему чуда. Разумеется, он избегает церковной лексики — кроме легендарного суворовского «помилуй Бог» и аналогичных солдатских восклицаний. Но подвиги, которые Алексеев описывает, суть подвиги веры.

В череде суворовских анекдотов, записанных Фуксом — подчас записанных недобросовестно, «с тенденцией», — есть один,

Арсений Замостьянов **А.В. Суворов — православный воин!**

в подлинности которого нам не хотелось бы сомневаться.

Это суворовское самоопределение, определение нравственной позиции полководца. Мы уже привели полный текст этого монолога, теперь повторим его заключительную фразу: «Если бы я был Цезарь, то старался бы иметь всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороков». Последняя оговорка очень важна для Суворова, важна для понимания сути нашего национального героя. Суворову было мало таланта без совести, доблести без праведности.

Широкораспространённая (и не только в последнее время) теория, провозглашающая мораль гениев выше общечеловеческой морали и дающая гению право на безнравственность, входит в противоречие с понятиями Суворова. Скажу больше: эта идея (с её любимым тезисом — «Недостаток эгоизма — недостаток дарования») никогда не была и не будет сердечно принята нашим обществом, обществом, взыскующим иных гениев... Отвлечёмся (как ни отвлекайся, от Суворова не уйдёшь). Вот Пушкин описывает, как в «пугачёвщину» Державин из одного пиитического любопытства приказал повесить людей. Ясно, что Пушкин здесь разочарован Держави-

ным и передаёт своё разочарование нам, читателям. Пушкину такое пиитическое любопытство претит, оно не оправданно талантом. И сейчас не так важно, что — слава Богу — нынче доказана несправедливость этого слуха о Державине. Важно, какие критерии поставил талантливому человеку Пушкин, написавший, между прочим, и «Моцарта и Сальери», гениальную драму о зависти и человеческом таланте. В «Моцарте...» Пушкин выставляет целый ряд проблем аморальности гениев: Микеланджело, Бомарше. Вывод — несовместимость гения и злодейства.

И Суворов, старый генералиссимус, в последние месяцы жизни составляющий Канон Господу, ставит сражение зла и добра куда выше всех своих побед, выше всех своих бесчисленных сражений. И всё потому же пушкинские работы В. Непомнящего так тронули нас, давно ждущих внятного разговора о нравственном начале в литературе, в истории наших гениев.

Шла молва, что в Семилетнюю войну Суворов приютил потерявшегося в военной неразберихе ребёнка. Мы любим Суворова именно таким — русский подполковник заботился о мальчике в продолжение всей кам-

КУЛЬТУРА

пании, а зимой отписал его матери: «Любимейшая маменька, ваш маленький сынок у меня в безопасности. Если вы захотите оставить его у меня, то он ни в чём не будет иметь недостатка. Я буду заботиться об нём, и он будет как мой собственный сын. Если же вы захотите взять его обратно, то можете получить его здесь или написать ко мне, куда его выслать. Я совершенно не виноват, что лихие казаки взяли его с собою». Маменька, конечно, затребовала сына домой.

В 1784 г. Суворов пишет Потёмкину из Ундола: «Служу я, Милостивый Государь! больше 40 лет и почти 60-летний, одно моё желание, чтоб кончить Высочайшую Службу с оружием в руках. Долговременное моё бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать.

Наука просветила меня в добродетели; я лгу как Эпаминонд, бегаю как Цесарь, постоянен как Тюренн и праводушен как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств к моим сверстникам, часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей, был щастлив потому,

что повелевал щастьем». Аллегории Суворова свидетельствуют о серьёзных размышлениях о собственном нраве, о работе над собой. Отметим, что выражение «лгать, как Эпаминонд» иронично: этот фиванский герой, как и Суворов, славился прямодушием.

Ещё один образец суворовского отношения к нравственному облику полководца — знаменитое наставление Карачаю, письмо крестнику Александру, сыну Андрея Карачая — австрийского военачальника, венгра, любимца Суворова.

Письмо было написано по-французски, привожу русский перевод: «Любезный мой крестник Александр! Как военный человек вникай прилежно в сочинения Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера. Будь знающ несколько в богословии, физике и нравственной философии. Читай прилежно Евгения, Тюренна, записки Цезаря, Фридриха, первые тома истории Роллена и «Мечтания» Графа Сакса. Языки полезны для словесности. Учись понемногу танцам, верховой езде и фехтованию.

Достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала, но оные должны быть руководимы порядком и дисципли-

Арсений Замостьянов **А.В. Суворов – православный воин!**

плиной, управляемы неусыпностью и прозорливостью.

Будь чистосердечен с друзьями, умерен в своих нуждах и бескорыстен в поведении. Являй искреннюю ревность к службе своему Государю, люби истинную славу, отличай любочестие от надменности и гордости, приучайся сызмальства прощать погрешности других и никогда не прощай их самому себе.

Обучай тщательно своих подчинённых и во всём подавай им пример. Упражняй непрестанно глаз свой — только так станешь великим полководцем. Умей пользоваться положением места. Будь терпелив в трудах военных, не унывай от неудач. Умей предупреждать случайные обстоятельства быстротой. Различай предметы истинные, сомнительные и ложные. Остерегайся безвременной запальчивости. Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благоразумием в своих военных действиях. Неприятеля не презирай, каков бы он ни был. Старайся знать его оружие и способ, как оным действует и сражается; знай, в чём он силён и в чём слаб. Приучай себя к деятельности неотомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу. Счастье покоряй себе быстротою Цезаря, кой и среди

бела дня умел своих неприятелей уловлять и окружать и нападал на них когда и где хотел. Не упускай пресекать неприятелям жизненные припасы, а своему войску учись всегда доставлять пропитания вдоволь. Да возвысит тебя Господь до геройских подвигов знаменитого Карачая!». Это по-суворовски ёмкое руководство — как стать полководцем, воинским начальником, лидером.

Сам Суворов никогда не изменял этим принципам; смешав тактические законы с законами нравственности, он получил собственный кодекс поведения. Заметим, что нравственная чистоплотность прочитывается во всех параграфах поучения Карачая. И, скажем, за словами «являй искреннюю ревность к службе своему Государю» стоит суворовское умение смириться, проявленное в отказе от мятежных идей настроенных против Павла офицеров. Это самое искреннее, самое полное поучение Суворова. В поучении солдатам Суворов старался опроститься, адаптировать свои принципы для простонародья, которое полководец всегда уважал, отличая любочестие от надменности...

Но и в поучении солдатам нравственный вопрос присутствует непременно! В «Разго-

КУЛЬТУРА

воре с солдатами их языком» Суворов пишет: «Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник». В «Трёх воинских искусствах» выводит обобщение: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твёрду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! от Него победа. Чудо богатыри! Бог нас водит, Он нам генерал». Нравственный аспект был важнейшим звеном воспитательной системы Суворова. Причину побед Суворов видел в моральном превосходстве над «безбожными, ветреными, сумасбродными французиками» (определение из «Разговора с солдатами...»).

Суворов видел кровь, извещивал коварство врагов и мнимых друзей, но, как ребёнок, он до конца своих дней сторонился людской жестокости. Узнав, что один из его крепостных после смерти собственной малолетней дочери сказал: «Вот и хорошо, что Бог её прибрал, она мне руки связывала», Суворов отдаёт приказ: «Крестьянина, при собрании мира, отправить к священнику и оставить на три дня в церкви, чтобы священник наложил на него епитимию. Старшину за несмотрение поставить в церкви на сутки, чтобы он молился на коленях и впредь крепко смотрел за нерадивыми о детях

отцами». Строго? А как быть с современными родителями, которые выбрасывают грудных детей в мусоропровод? А миллионы беспризорных детей в мирное время? Кто спросил с их нерадивых отцов и матерей? Может быть, следует бороться с этой социальной напастью суворовскими методами?..

Любопытные свидетельства о религиозности Суворова сохранились в передававшихся из уст в уста рассказах о полководце — анекдотах и притчах. Во многих сюжетах подчёркивается нравственная чистота Суворова — чего стоит один его комментарий к соответствующим крымским маневрам Шагин-Гирея: «Я, кроме брачного, ничего не разумею». Недруги Суворова распространяли и следующий оскорбительный слух: будто наш постник, как евнух, посылал Потёмкину крымских девушек и мальчиков для сомнительных развлечений. Этот слух не без удовольствия публикует Казимир Валишевский, с польской придиричностью относившийся к гробовщику варшавской государственности А.В. Суворову. Валишевский пишет, что Суворов был усердным «... подчинённым, старавшимся сохранить благосклонность фаворита разными услугами, доходившими

Арсений Замостьянов **А.В. Суворов – православный воин!**

до того, что он послал ему, по его просьбе, трёх крымских девушек и одного мальчика!..». Отметим, что по переписке и воспоминаниям современников мы знаем Суворова как человека, нетерпимого и к куда более невинным плотским шалостям. Трудно представить себе Суворова соучастником разврата. Того же Потёмкина Суворов резко осуждал в письмах за элементарный успех у дам, что же до наложниц, то, по суворовским канонам, это бесстыдство недостойно чести воина.

В начале XX века в публицистике проявилась фиктивная тема — «Суворов-масон». Старую песню с готовностью подхватили современные журналисты. Во все времена масонам, разумеется, выгодно приписывать к своим рядам великих людей России: трудно и вообразить лучшую пропаганду масонства. Нужно сказать, что в XVIII веке и в начале века XIX масонские ложи и впрямь объединяли целое созвездие выдающихся русских политических деятелей, военных, писателей, учёных. Дело в том, что русское масонство в те времена не считалось ко многому обязывающей организацией. Масонство было в моде, являясь своеобразным клубом молодых, прогрессивно настроенных

дворян. Одних привлекала экзотическая атмосфера собраний, дух братской дружбы, сопровождаемой весёлыми и вдохновенными пирушками. Другие видели в тайном обществе возможности для пропаганды рационалистического взгляда на мироздание и развития просвещения, науки. Третьи принимали мистику масонства, алхимию тайного знания, возвышающего над людьми группу посвящённых. Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, М.М. Херасков, Д.С. Бортнянский, В.И. Баженов, М.И. Голенищев, М. Кутузов, М.М. Сперанский были в той или иной степени связаны с масонством.

В то же время прекрасная песня Д.С. Бортнянского на стихи М.М. Хераскова «Коль славен наш Господь в Сионе» давным-давно стала национальным духовным гимном России. Когда по просьбе Екатерины Великой, которая с некоторых пор не жаловала масонов, митрополит Платон дал свою оценку книгам, изданным в типографии Новикова, вредными были признаны лишь шесть книг европейских энциклопедистов. А самого масона Новикова митрополит признал человеком благочестивым. Приверженцы конспирологических теорий и митрополита Платона записали в «покровители масонов»... А может быть, про-

КУЛЬТУРА

сто в XVIII в. масонство ещё не раскрыло своего антицерковного и антигосударственного потенциала? Можно вспомнить и о многих благотворительных проектах, за которые Россия благодарна масонами филантропам. В годы русско-турецких и наполеоновских войн масонам, несмотря на титул «граждан мира», не был чужд патриотизм. И видные масоны Иван Кованько, Василий Попугаев, М.И. Голенищев-Кутузов посвящали Суворову хвалебные стихи... И вряд ли кто рискнёт назвать Д.С. Бортнянского или В.И. Баженова неправославными людьми. Но с Суворовым ситуация сложнее. Александр Васильевич органически не переносил даже вершков масонской экзотики. Он не относился к тем городским аристократическим кругам, которые были питательной средой масонства, не любил элитарного фронтёрства. Солдатский генерал, воспитанный в традициях крестьянского православия и верный им до последнего вздоха, над масонами Суворов только насмехался. Откуда же пошла легенда о Суворове-масоне? В 1935 г. в Париже вышла книга Т.А. Бакуниной «Знаменитые русские масоны». Нужно сказать, что значительная часть русской эмиграции имела к масонству прямое отношение, и писательница

ца Бакунина стремилась создать привлекательный образ ордена свободных каменщиков: «Народный герой, человек непревзойдённой славы, генералиссимус Александр Васильевич Суворов — вот кто должен открыть собой ряд знаменитых русских деятелей-масонов». Декларация убедительная, с фактами же дело у Бакуниной обстояло куда сложнее. Один-единственный замшелый слух о посещении кёнигсбергской ложи «К трём коронам» (Zuden Drei Kronen) неким «оберлейтенантом Александром фон Суворовым», который представился мастером петербургской ложи «Три звезды». Дело было 27 января 1761 г. — эта дата указана в архивах ложи. К сожалению, версия, запущенная Бакуниной, была несколько раз повторена в современной российской печати, падкой на сенсации...

Историк В.С. Лопатин в нескольких публикациях убедительно доказал несостоятельность бакунинского измышления. Да, Суворов в годы Семилетней войны бывал в Кёнигсберге, где навещал отца, назначенного генерал-губернатором занятой русскими войсками Восточной Пруссии. Но был тогда Суворов вовсе не оберлейтенантом (в Русской армии этому прусскому чину соответствовал чин поручика), а под-

Арсений Замостьянов **А.В. Суворов – православный воин!**

полковником! Очевидно, что речь здесь идёт о другом Суворове, а слух о посвящении сына генерал-губернатора был выгоден кёнигсбергским масонам уже в 1761 г.! Что уж говорить о временах, когда Суворов сделался всенародным героем России и мировой знаменитостью! Так и живёт лживая легенда о масонстве Суворова. Именно лживая — потому что бывают легенды, в которых вымысел не противоречит реальному образу героя. Любопытно, что никаких иных сведений о петербургской ложе «Три звезды» у историков масонства нет: только реплика «обер-лейтенанта фон Суворова»... Нередко вымысел помогает раскрыть истинный характер личности — таких примеров немало в «суворовском» фольклоре. Но масонов Суворов не жаловал, они его попросту раздражали снобизмом и кощунственным вольнодумством. Суворов не был противником прогресса, он интересовался наукой, ратовал за просвещение, но становился твёрдым охранителем, если чувствовал угрозу церкви и трону. Суворов был человеком прямодушным. Он любил аллегории, но никогда не отстаивал публично идей, с которыми был не согласен.

Обратимся к воспоминаниям современников полководца,

относящимся к 1799 г.: «Потом он начал говорить с князем Броглием об его брате, спрашивал о его летах, о доходах, им получаемых. Начал рассуждать об возрастах человека, разделять их на опасные и безопасные, когда они становятся почтенными, и очень искусно причислил его к сим последним. Далее рассказывал о том, как один из его адъютантов, который тут же находился, упал в пропасть и нимало не ушибся. «Знаете, — сказал он мне, — кто его вытащил оттуда? Чёрт, потому что он франкмасон!». Обед кончился. Суворов ел и пил более всякого из нас; он разговаривал ещё, но коротко и отрывисто. Напоследок мы встали из-за стола; он обратился к образу святого Михаила, который был в углу его комнаты, помолился и, благословя нас, пошёл спать». Выразительная картина! Мемуарист противопоставляет сюжет о масоне и тихой суворовской молитве. Колоритные воспоминания оставил и А.А. Столыпин, служивший при Суворове: «Однажды у фельдмаршала за столом гостей было много. Подле меня сидел полковник П.А. Борщев, который в продолжение обеда со мной разговаривал. Перед самым окончанием обеда фельдмаршал сказал мне: «Мальчишка! Бере-

КУЛЬТУРА

гись: П.А. франкмасон, он всё знает, что делается. П.А.! Что теперь делает Китайский император?» Борщев отвечал: «Он уже отобедал, встал из-за стола и пошёл почивать». Граф, встав из-за стола, сказал: «И нам пора спать!» — и ушёл...».

В письмах Хвостову, в аллегорической манере, Суворов не скупился на резкие оценки вольных каменщиков. Постараемся расшифровать одну из суворовских аллегорий: «Новиков цельно естли у Соловков. Калкуну Шувалову быть у скворцов, а оратору Репнину у сов» (из письма Хвостову от 1 июня 1792 г.). Суворов масоном не был, другое дело — князь Н.В. Репнин, вечный соперник и недруг Суворова. В «Русском архиве» ещё в 1878 г. была опубликована его клятва, данная при вступлении в орден розенкрейцеров: «Я, Николай Репнин, клянусь Всевышним Существом, что никогда не назову имени Ордена, которое мне будет сказано почтеннейшим братом Шредером, и никому не выдам, что он принял от меня прошение к предстоятелям сего Ордена о вступлении моём в оный, прежде чем я вступлю и получу особое позволение открыться братьям Ордена. Князь Николай Репнин. Генерал-аншеф Российской службы». Так что

же имел в виду Суворов в птичьей загадке про сов, скворцов и калкунов? Фраза эта была откликом на процесс над масонами, на арест Новикова. Калкуном — индейским петухом — Суворов дразнил масона графа А.П. Шувалова, который к тому времени уже умер и, верно, слушал скворцов на том свете. Новикову Суворов сулил заключение на Соловках, а могущественному Репнину — ссылку куда-нибудь в далёкое имение, в лесные края, к совам. Для Репнина Суворов не жалел метких словечек: за гнусавый голос прозвал его «гугнивым Фаготом», а за подлое интриганство — асмондеем и мартинистом. Суворов сетовал, что с Репниным трудно бороться. За него — масонские связи: «гугнивого Фагота тяжело остеречься по мартинитству». Так бранился Суворов. Так не бранятся члены тайного общества... В.С. Лопатин в 2003-м высказал предположение, что Суворов мог и впрямь посетить кёнигсбергскую ложу, назвавшись представителем несуществующей петербургской ложи, но — как разведчик, по заданию отца. Василий Иванович Суворов, губернаторствовавший тогда в Кёнигсберге, не без основания считал масонов своими противниками. Сто-

Арсений Замостьянов **А.В. Суворов – православный воин!**

ит вспомнить, что после смерти императрицы Елизаветы с усилением масонской партии в Петербурге В.И. Суворову пришлось расстаться с постом генерал-губернатора, а Россия ничего не приобрела после победной Семилетней войны. Многим памятно, как ахнул тогда великий Ломоносов:

*Слыхал ли кто из в свет рождённых,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побеждённых?
О стыд, о странной оборот!*

Что ж, если ставкой были интересы России, завоевания славной кампании, можно допустить, что Суворов согласился бы с ролью разведчика, но никогда не стал бы истинным масоном. Суворов с иронией относился к новомодной философии, хотя и с любопытством листал, например, сочинения Эммануила Сведенборга. Стать апологетом какого-либо новомодного мистического учения православный богомolec Александр Суворов не мог.

(Продолжение следует.)